

И.И. Дмитриев

**Письма И.И. Дмитриева к князю П.А.
Вяземскому**

1810-1836 годов

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.И. Дмитриев**
Письма И.И. Дмитриева к князю П.А. Вяземскому: 1810-1836 годов / И.И. Дмитриев – М.: Книга по Требованию, 2014. – 150 с.

ISBN 978-5-458-15001-9

Из Остафьевевского архива. Изданы с предисловием и примечаниями Николая Барсукова.

ISBN 978-5-458-15001-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

поэта и министра юстиціи Ивана Ивановича Дмитріева. Онъ самъ его выстроилъ въ 1814 году, выпедши въ отставку и поселившись въ Москвѣ, и самъ насадилъ вокругъ прекрасный садъ, изъ котораго, еще въ наши дни, раздавалось по окрестностямъ соловьиное пѣніе. Даже за два дня до кончины своей И. И. Дмитріевъ сажалъ акаціи возлѣ кухни, чтобы заслонить ее съ пріѣзду. Домъ Дмитріева былъ деревянный, построенный изъ стоячихъ бревенъ, скрѣпленныхъ желѣзными обручами. Про него можно сказать, что и онъ былъ

Приютъ, сіяніемъ музъ согрѣтый..

„Въ этомъ домѣ собирались представители ума, словесности и просвѣщенія, словомъ, вся пишущая братія, съ Прокоповича-Антонскаго до Гоголя включительно“. Князь же П. А. Вяземскій свидѣтельствуешь, что къ Дмитріеву собирались по вечерамъ „не только всѣ извѣстные литераторы, но и всякіе“. Дмитріевъ „не только отличалъ, ободрялъ молодыя дарованія, но когда могъ старался и давать имъ ходъ. Въ теченіе министерства своего онъ многихъ изъ нихъ призрѣлъ и зачислилъ по вѣдомству своему. Онъ говаривалъ, что во всякомъ случаѣ они грамотнѣй другихъ и могутъ правильнѣе написать дѣловую бумагу“. Мало того, въ Москвѣ Дмитріевъ „былъ очень популярень, особенно у людей по грамотной части. Къ нему прихаживали всѣ уличные поэты или шинельные, какъ онъ ихъ называлъ. Онъ благосклонно выслушивалъ ихъ стихи и помогалъ имъ денежными пособіями. Особенно жаловалъ онъ одного Фомина. Сей Фоминъ ходилъ всегда въ черномъ фланелевомъ капотѣ, вѣрно доставшемся ему, замѣчалъ Дмитріевъ, послѣ траурнаго церемоніала; за недостаткомъ пуговиць капотъ сверху зашпиленъ былъ булавкою съ какимъ-то цвѣтнымъ камешкомъ. Дмитріевъ особенно любовался ею, угадывая, что она подарена была поэту кухаркою или прачкою, которую онъ воспѣлъ“.

Само собою разумѣется, Дмитріевъ былъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ и съ ученою братією. Такъ, на примѣръ, когда извѣстный издатель *Сибирскаго* и *Азіатскаго Вѣстниковъ* и „Книги Большого Чертежа“ Григорій Ивановичъ Спасскій представилъ ему свой *Азіатскій Вѣстникъ*, то Дмитріевъ въ отвѣтъ своемъ писалъ: „Нѣтъ

сомнѣнія, чтобы *Азіатскій Вѣстникъ* не имѣлъ успѣха, равнаго успѣхамъ его предшественника (*Сибирскаго*), даже можно обѣщать еще и бдльшаго: съ нѣкоторыхъ лѣтъ Азія обращаетъ на себя вниманіе всей ученой Европы. Вы можете много заимствовать изъ актовъ Азіатическаго Общества, существующаго въ Парижѣ, и изъ записокъ объ Азіи г. Клапрота, въ коихъ находятся двѣ довольно любопытныя статьи: 1) О границахъ Русской и Китайской и 2) Описаніе Россіи; переводы съ китайскаго. Относительно сего государства желательно было бы, чтобъ вы могли воспользоваться выписками изъ записокъ и переводовъ бывшаго архимандрита нашего Такинфа. Простите меня, если я вмѣшался не въ свое дѣло. Одно только живѣйшее участіе во всемъ служить къ пользѣ и чести отечества заставило меня сказать, можетъ быть, больше, нежели сколько требовало приличіе“.

Прервавъ свою службу въ Варшавѣ въ 1821 году, князь П. А. Вяземскій поселился въ Москвѣ и всецѣло посвятилъ себя занятіямъ литературою. Въ это время онъ написалъ „Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева“. Прочитавъ это сочиненіе еще въ рукописи, И. И. Дмитріевъ остался имъ чрезвычайно доволенъ, и отъ избытка благодарнаго сердца написалъ слѣдующее четверостишіе:

Кого не увлечетъ талантъ сего поэта?
Ему никто не образецъ:
Онъ сыплетъ острою, но всегда мудрецъ
Еще въ младыя лѣта.

Четверостишіе это застало князя Вяземскаго въ Остафьевѣ, и онъ оттуда, 22-го сентября 1821 года, писалъ Дмитріеву: „Какъ возблагодарить мнѣ васъ за лестные стихи, коими ваше высокопревосходительство меня удостоили? Отнынѣ, въ самомъ дѣлѣ, пріялъ я печать Аполлона и могу сказать, что посвященъ рукою верховнаго его жреца“.

Когда, въ семидесятыхъ годахъ, я занимался, по порученію князя П. А. Вяземскаго, разборомъ и описаніемъ его Остафьевскаго архива, среди бумагъ мнѣ попался листокъ на синей старинной бумагѣ, въ которомъ заключался цензурный отзывъ И. М. Снегирева объ „Извѣстіи о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева“. Листокъ этотъ

я тогда же представилъ князю Петру Андреевичу, съ просьбою, сдѣлать къ нему замѣчаніе. Просьба моя была исполнена, и такимъ образомъ мы теперь имѣемъ возможность познакомить читателей, какъ съ отзывомъ И. М. Снегирева, такъ и съ примѣчаніями къ оному князя П. А. Вяземскаго *). „Прочитавъ съ сердечнымъ участіемъ“, писалъ Снегиревъ, — „новое произведеніе нашего писателя, я долженъ бы начать свои замѣчанія похвалами. Но что значатъ похвалы неизвѣстнаго человѣка? Прибавятъ ли онѣ что-либо къ славѣ извѣстнаго автора? Освобождаю себя отъ восклицовеній простодушныхъ и заказныхъ; для слуха правдиваго они несносны; это дань лести суетному честолюбію; авторъ же другъ истины; скажу лучше чистосердечно свои мысли о нѣкоторыхъ недостаткахъ, какіе я замѣтилъ, прочитавъ про себя и вслухъ его сочиненіе.

„По моему мнѣнію, котораго впрочемъ не выдаю за приговоръ, все сочиненіе занимательно, исполнено мыслей новыхъ, свѣтлыхъ и рѣзкихъ. Жизнеописатель достоинъ описуемаго имъ мужа. Желательно только, чтобы въ планѣ было болѣе порядка, въ переходахъ болѣе постепенности, въ отступленіяхъ болѣе краткости и соотвѣтственности предмету. Сочинитель на пути своемъ къ предположенной цѣли безпрестанно останавливается, кланяется и разговариваетъ съ знакомыми и тѣмъ замедляетъ путь свой, уклоняется отъ главной цѣли. Постороннія мысли иногда затемняютъ у него главный предметъ: полный мыслей и чувствованій, онъ изливаетъ ихъ съ избыткомъ, забывая мудрую бережливость. Иное довольно намекнуть; что же остается читателю? Къ чему бы, на примѣръ, говоря о слогѣ Дмитріева, приводить примѣры изъ Боссюета ¹⁾. Біографъ долженъ быть пристрастенъ къ одной истинѣ, а не къ своему герою и не долженъ быть знакомъ удивленія: изображать дѣлами, а не словами. Онъ пишетъ для потомства, а повторяетъ нѣсколько разъ въ разныхъ мѣстахъ о личныхъ неудовольствіяхъ и дѣлаетъ намеки, понятные для современниковъ, и то для немногихъ. Частный кругъ одного общества не есть всемірный ²⁾.

„Остроты прекрасны у мѣста, и нашъ писатель по справедливости названъ *остроумнымъ*. Но, увы! какъ часто отъ остроты ума

---

*) Примѣчанія князя Вяземскаго помѣщаются вслѣдъ за сею статьею подъ №№ 1, 2, 3, 4 и 5.

гаснетъ жаръ сердца; а историкъ, пишущій не для однихъ современниковъ, долженъ быть безстрастнымъ: милая, высокая простота въ жизнеописаніи болѣе нравится, чѣмъ желаніе блистать островами, сколь бы онѣ ни были потѣшны³⁾). Еще скажу, что у біографа слишкомъ много *эпитетовъ*; нѣкоторые умные писатели говорятъ, будто они показываютъ упадокъ словесности. Многія сочиненія, показанныя изъ-подъ полы, читанныя въ кругу друзей любимымъ писателемъ, нравятся, плѣняютъ, занимая остроуміемъ и намеками, для нихъ только понятными, а для писателя интересными; но какъ выдутъ на свѣтъ, не то производятъ дѣйствіе, не такими кажутся на чужіе глаза. Станными и высканными кажутся мнѣ нѣкоторые обороты, пли лучше сказать, словонизвитія; напримѣръ, *проскакиваютъ признаки, стихи мастерски выбиты, рѣшительный цвѣтъ*. Одна новость, какъ дитя причудливости и своенравія, не составляетъ достоинства въ писателѣ; щеголя ею, можно быть страннымъ. Въ нѣкоторыхъ словахъ нѣтъ точности и опредѣленности; я осмѣлился ихъ замѣтить⁴⁾. *Есть періоды* (ихъ немного) *слишкомъ обширные* и спутанные, гдѣ трудно найти зависимость главныхъ частей отъ постороннихъ и на оборотъ; въ расположеніи частей нѣтъ стройности и соразмѣрности. Это видно при чтеніи⁵⁾.

„Кромѣ мнѣнія объ указѣ, выходки противъ рабства (чужой пословицы) и еще нѣкоторыхъ рѣзкихъ выраженій, безъ коихъ, кажется, можно бы обойтись, я думаю, что нѣтъ ничего противнаго вѣрѣ и правительству, слѣдовательно, и цензурѣ. Читателямъ классиковъ, вѣроятно, покажется возмутительною для совѣсти выходка противъ классической словесности, увѣковѣченной въ школахъ всѣхъ народовъ тысячелѣтіями. Но это споръ нерѣшенный! Можетъ всякой думать, какъ угодно. *Умъ любитъ просторъ*, говоритъ пословица; изъ споровъ наконецъ прозябаетъ истина. Жалко только, что у насъ критика не разлучна съ насмѣшкою и личною сатирою, а часто даже и съ бранью! Мнѣніе и личность будто одно и то же?“

За симъ слѣдуютъ слѣдующія примѣчанія князя П. А. Вяземскаго:

1) „Не знаю, кѣмъ писано, но, кажется, писано по поводу біографической статьи моей о Дмитріевѣ. Довольно строго, но часто довольно вѣрно.

Очень справедливо. Но въ этихъ отступленіяхъ, можетъ быть, есть и мой недостатокъ, и мое достоинство. Я всегда былъ пораженъ сухостью нашихъ критическихъ и біографическихъ статей: и легко увлекся черезъ край въ противоположную сторону.

2) Вотъ куда хватилъ! Да кто и думаетъ о всемірности? Довольно для нашего брата и одного общества.

3) Тупое, втянутое остроуміе не годится... Но если сказанное въ самомъ дѣлѣ остроумно, то это не бѣда.

4) Замѣчаніе объ излишествѣ эпитетовъ вѣрно. Михаилъ Вьельгорскій замѣчалъ въ этомъ во мнѣ сходство—разумѣется, не по таланту — съ Шатобріаномъ и на этомъ основаніи нѣкоторое сходство и въ почеркахъ нашихъ, то-есть, Шатобріановскомъ и моемъ. Гдѣ-то сказалъ я въ *Телеграфѣ*, что новѣйшимъ писателямъ только и осталось что эпитеты, то-есть, прилагательныя, а существительныя давно уже до насъ были всѣ высказаны.

5) *Длина моихъ періодовъ*, особенно въ то время, была въ самомъ дѣлѣ утомительна. Дмитріевъ часто журилъ меня за это. Я давалъ мыслямъ и словамъ развиваться какъ изъ клубка, или какъ эти деревянныя чашечки, которыя въ старину дѣлались въ Троицѣ и вкладывались одна въ другую. Послѣ я нѣсколько исправился въ этой погрѣшности; но все же не совершенно. Во всякомъ случаѣ скажу безъ хвастовства и безъ *личнаго лицепріятія*, когда наступитъ время дѣловой оцѣнки литературной дѣятельности мнѣ современной, проза моя не будетъ забыта и войдетъ въ свою законную силу, не смотря на ея недостатки и неисправности частью невольныя, частью вольныя и умысленныя. Въ прозѣ моей есть фیزیономія и самобытность. Она, разумѣется, не идетъ въ подметки прозѣ Карамзина и Жуковскаго, но именно тѣмъ и отличается, что пошла не ихъ дорогою, а своими проселками. Впрочемъ и Жуковскій иногда слишкомъ многовѣщателенъ и широковѣщателенъ. Онъ слишкомъ жуетъ и пережевываетъ мысль свою, подобно мнѣ. Пушкинъ въ прозѣ трезвъ иногда до сухости.

Въ мое время многіе писатели жили моимъ умомъ и моею манерою. Теперь совѣстятся и боятся ссылаться на меня. Je suis comte non avenu. Но со временемъ, когда меня не будетъ, а наступитъ потомство—да чортъ ли въ немъ—моя проза выплыветъ со

своими качествами и погрѣшностями, въ полной исторіи нашей литературы, если на такую исторію сыщется другой Карамзинъ“.

„Кто не слыхалъ Дмитріева“, писалъ князь Вяземскій, — „тотъ не знаетъ, до какого искусства можетъ быть доведенъ русскій разговорный языкъ“. Владѣя въ совершенствѣ французскимъ языкомъ, Дмитріевъ говорилъ со всѣми *исключительно* по русски, объ этомъ засвидѣтельствовалъ Жуковскій въ своей Памятной Запискѣ для Императрицы Александры Ѳеодоровны предъ путешествіемъ ея въ Москву. „Никогда не прощу себѣ“, писалъ князь Вяземскій самому Дмитріеву, — „что я не былъ въ Москвѣ вашимъ тайнымъ письменнымъ шпиономъ для потомства, вашимъ Ласкарисомъ. Сколько бы сокровищъ было теперь въ моемъ меморіалѣ! Да то и бѣда, что русскій человекъ заднимъ умомъ крѣпокъ. Спихватился, да поздно. Теперь и радъ бы записывать разговорныя достопамятности, но записывать нечего“.

Впослѣдствіи князь Вяземскій писалъ В. Н. Карамзину: „Разговоры Дмитріева были болѣе личные и анекдотическіе. Онъ все помнилъ о себѣ: живо помнилъ то, что видѣлъ, и живописно обрисовывалъ дѣйствія и лица, которыхъ зналъ и встрѣчалъ. Разговоръ его былъ живыя записки со всею ихъ современною обстановкою“.

Самъ Пушкинъ „нерѣдко бывалъ строгъ и несправедливъ къ поэту Дмитріеву, но всегда увлекался остроумною и любезною рѣчью его“. Такъ что Записки И. И. Дмитріева представляютъ только скелетъ его живыхъ разговоровъ. Записки же свои, замѣчаетъ князь Вяземскій, — Дмитріевъ писалъ „въ мундирѣ“, и къ нимъ „должно приложить *словесныя прибавленія*, заимствованныя изъ разговоровъ, обыкновенно откровенныхъ, особливо же въ избранномъ кругу“.

Безстрастное лицо и медленная рѣчь,
А слушателя онъ умѣлъ съ собой увлечь,
И поучалъ его, то трогалъ — какъ придется,
Иль со смѣху морилъ, а самъ не улыбнется.
Какъ живо памятенъ мнѣ эти вечера,
Сдается, старца я заслушался вчера.

Такъ поминалъ князь П. А. Вяземскій, въ 1860 году, И. И. Дмитріева, склоняясь уже самъ къ западу жизни своей.

Николай Барсуковъ.

8 Сентября 1897 г.
Село Михайловское.

1.

Милостивый государь мой, князь Петръ Андреевичь!

Чувствительно благодарю васъ за пріятное хоть и слишкомъ церемонное письмо, ваше ¹⁾.

Увѣряю васъ съ обыкновеннымъ моимъ чистосердечіемъ, что я отъ всей души желаю вамъ возможнаго благополучія; что я почелъ бы себя счастливымъ, если бы могъ быть въ чемъ-нибудь для васъ полезнымъ, и что я съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

С.-Пб. 1810-го, сентября 19-го.

2.

Милостивый государь мой, князь Петръ Андреевичь!

Чувствительно благодарю васъ за честь, которою ваше сіятельство почтили меня, увѣдомляя о вашей помолвкѣ. Эту честь конечно я заслужилъ по праву только искренней дружбы къ вашему батюшкѣ: почему и не сомнѣваюсь, чтобы вы не были увѣрены о участіи моемъ во всемъ томъ, что относится и до любезнаго его сына ²⁾. И такъ, примите отъ меня искренное поздравленіе съ исполненіемъ вашихъ желаній; примите равномѣрно и нелестное увѣреніе въ совершенномъ почтеніи, любви и привязанности къ вамъ вашего сіятельства покорнѣйшаго слуги Ивана Дмитріева.

Санктпетербургъ, 1811, сентября 11-го дня.

3.

Покорнѣйше прошу васъ, любезный князь Петръ Андреевичъ, пожаловать ко мнѣ откушать во вторникъ; вмѣстѣ съ старыми пріятелями и новопріѣзжими иногородцами очень радъ будетъ васъ видѣть искренній вашъ почитатель И. Дмитріевъ ³).

4.

Я сію только минуту возвратился отъ молодаго Сѣверина ⁴), съ которымъ странствовалъ на Воробьевы горы. Не смѣю ласкать себя свиданіемъ съ вами; но буду очень, очень жалѣть, если, не выдавъ другъ друга, разстанемся, и въ такомъ случаѣ прошу васъ принять искренное мое желаніе, чтобы вы благополучно доѣхали и возвратились; поцѣловать за меня Николая Михайловича и сказать мое почтеніе Катеринѣ Андреевнѣ, Софьѣ Николаевнѣ и Катеринѣ Николаевнѣ *). Сегодня я писалъ къ нимъ чрезъ почту. Всѣмъ сердцемъ васъ обнимаетъ вашего сіятельства покорнѣйшій слуга И. Дмитріевъ.

5.

Хотя

Не занимаяся во вѣкъ о рангахъ споромъ,

Рафаель не бывалъ коллежскимъ ассесоромъ,

но другой вѣкъ, другіе правы, и я отъ всего сердца поздравляю васъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, съ полученіемъ монаршей милости, не смотря на то, что ваша новая служба убавитъ, можетъ быть, число наличныхъ по сердцу моему пріятелей ⁵).

Благодарю васъ за доставленіе поэмы Жуковскаго и поздравляю Любителей Россійской Словесности съ хорошею книгою ⁶); поздравимъ и Василья Львовича: вчера онъ пріѣзжалъ ко мнѣ прочитатъ восемь стиховъ къ графинѣ Пушкиной, которые онъ

---

*) Карамзины.

называетъ Envoi, и прочтя ихъ, очень смѣялся ⁷⁾. За тѣмъ свидѣтельствуемъ вамъ искреннее свое почтеніе преданнѣйшій вамъ Дмитріевъ.

Москва, сентября 5 1817.

6.

Ежели бы это было въ прошломъ году, то рѣшительно сказалъ бы вамъ, любезнѣйшій князь Петровичъ (sic): съ удовольствіемъ буду. Теперь же по неволѣ скажу вамъ съ условіемъ: если не пригласятъ меня къ придворному обѣду. Въ такомъ случаѣ пріѣду къ вамъ прямо оттуда. Между тѣмъ поздравляю васъ съ милымъ имениникомъ и съ душевною привязанностію пребуду къ вамъ навсегда преданный Дмитріевъ ⁸⁾.

6 декабря (1817).

7.

Москва. 1818, марта 28.

Не могу изъяснить, сколько я признателенъ вамъ, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ, что вы и посреди ликующей Варшавы вспомнили уединеннаго москвича и даже утѣшили его сообщеніемъ новостей весьма любопытныхъ. Всѣмъ сердцемъ благодарю васъ и прошу одолжать меня и впредь подобными гостинцами. Желалъ бы я видѣть хотя одинъ изъ лучшихъ голосовъ, читанныхъ на Сеймѣ: лучшихъ, разумѣю, по важности предмета или по краснорѣчію ⁹⁾.

Теперь я догадываюсь, отъ чего запилъ добрый староста: *) онъ вѣрно потѣетъ надъ польскими баснями, при помощи Линдева лексикона. Буду передъ нимъ скромничать: авось онъ выдастъ которую-нибудь изъ нихъ за свою въ первомъ собраніи.

Исторія нашего любезнаго историографа у всѣхъ въ рукахъ и на устахъ: у просвѣщенныхъ и профановъ, у словесниковъ и словесныхъ, а у автора уже нѣтъ ни одного экземпляра. Примѣрное торжество русскаго умодѣля!

---

*) В. Л. Пушкинъ.

Я слышалъ о случившемся съ вами въ дорогѣ, но въ то же время утѣшенъ былъ и тѣмъ, что пропажа отыскана. Желалъ бы, чтобы первое *прояснилось* или послѣднее подтвердилось.

Между тѣмъ, поручая себя въ продолженіе вашей пріязни, съ искреннимъ почтеніемъ и привязанностью имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою. Иванъ Дмитріевъ.

Р. С. Покорнѣйше прошу васъ засвидѣтельствовать милостивой государынѣ княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ мое искреннее почтеніе и приказать доставить прилагаемое при семъ письмо Степану Петровичу ¹⁰⁾.

8.

Простите меня, любезный князь Петръ Андреевичъ, что я, вопреки собственному желанію, такъ долго къ вамъ не писалъ. Разныя непріятныя обстоятельства тому причиною. Я имѣлъ несчастіе потерять отца ¹¹⁾, потомъ получилъ извѣстіе о вдовствѣ бѣднаго Сѣверина, который пять мѣсяцевъ только былъ счастливъ. Жена его въ 10 часовъ вечера была здорова и веселѣе обыкновеннаго, а въ два часа ночи ея уже не стало. Онъ и теперь въ глубокой печали. Сказываютъ, что графъ Каподистрія беретъ его съ собою за границу. Можетъ быть, они уже въ дорогѣ.

По отбытіи двора я совершенно осиротѣлъ въ любезныхъ моихъ собесѣдникахъ. Съ нимъ и послѣдній Жуковской меня оставилъ. Теперь опять самъ-другъ съ княземъ Шаликовымъ. Пушкинъ въ Козельскѣ щупаетъ пульсъ у своей тетушки *), а Сонцевъ въ Каширскихъ дубравахъ груститъ объ отсутствіи К. Н. П...ы и С. С. А. ¹²⁾. Съ любезнымъ Карамзинымъ отчаяваюсь скоро увидѣться. Между тѣмъ, не могу сохранять равнодушія, читая въ *Вѣстникѣ* разныя на счетъ его колкости, и дивлюсь, какъ г. попечитель позволяетъ пропускать ихъ. О критикѣ ни слова, но подшпынивать и оскорблять исторіографа совсѣмъ неприлично. Увѣренъ, что ни онъ не будетъ отвѣчать, ни другіе за него вступаться, и очень о томъ жалѣю ¹³⁾.

Я благодаренъ вамъ, что вы дозволили А. Булгакову сообщать

---

*) Варвары Васильевны Чпчерной.